

Владимир Каткевич

Пропавшая радиограмма

Рассказ

Возня за дверью каюты, споткнулись, выразились. По палубе покатилося ведро. В жестяном тарактении мятого ведра что-то очаговое. От хаты и коромысла.

– Что стряпилось? – спрашивают из каюты напротив.

– Какой-то умник выставил в отсек кораллы...

– А зачем здесь шлендрать? – сонный женский голос из дамского кубрика.

– Тебе делать нечего? – пискляво, по-детски, как Рина Зеленая.

Перекличка поколений.

– Он кораллы ворует, что ли? – спрашивает Рина.

Карл у Клары украл кораллы. Карл Кларе с детской обидой:

– Я радиограммы разношу, – кротко.

– Пшел вон!

Зашибает морским разложением. И хлоркой! Газы! Спасите, газы! От едкости сперло дыхание. В тропиках механики получают тепловые удары, еще и газы. Глаза режет. Удушье как от аммиака. Вентиляция разносит амбре в смежные отсеки. Чтобы всем хватило. Возмущенно хлопают дверями. Мокрые шлепанцы копят неприличные резиновые звуки-кваки.

В знак протеста против несправедливости жизни кто-то включил пожарный гидрант, окатили палубу. Чудовищным напором воды разорвало занавеску. Крики, неубедительные угрозы. Каминский встает, конопатит полотенцем жалюзи в нижней секции двери. Снова обиходный дамский мат из кубрика камбуза. Теперь уже во сне костерит. Зеленщица Нолька. Ей снится муж, он в ставке утонул по пьяному делу. И вроде муж, усопший и утоп-

ший, приглашает ее пожить на пробу, где-то хату поставил в укромном месте. Судовые наяды приводят Нольку на нужный меридиан:

– Та он же тебя хочет утащить с собой! От дурочка с переулочка! Не забижайся. Это не он приходил. Если нарисуетя, ты его кышни...

Нолька и старается. Нолька бормочет постельные подробности, досматривает дурь. Интимная гласность. Коммуналка на плаву.

Окаменевшие цветы моря, видимо, квасились в ведре. Весь экипаж помешан на отбеливании кораллов. На память. А зачем? В ведре они теряют робкие пурпурные оттенки. Ведро отдыхало в подсобке подшкипера. Ему надоело амбре, и он кораллы благословил в отсек. А ученик радиста Нень наступил. Тряпки чвакают. Истерично вытирают. Вонь проникновеннее.

Шаги приближаются. Светят фонариком, проверяют номер каюты. Робко стучат.

– Вам РДО.

– Что, срочная?

– За срочность люди деньги плотят, – рассуждают. Кому-то не спится.

– Для кого радиограмма? Какое содержание?

Адресат, видимо, ленится вставать. Или в каюте дама.

– Все дома хорошо, – читает при свете налобного фонарика стажер-радист Нень. – Кто-то помер. Не разберу. Врач помер, что ли?

– Радиограмма заверена врачом?

– Он же помер, – напоминают из соседней каюты.

– Нет, не заверена, – радиоученик Нень светит фонариком.

– Кому РДО?

– Второму механику Каминскому.

– Та он же в офицерском отсеке живет. Аш тридцать два. А здесь каюты палубы.

– А на кой ночью шарахаться? – включают соседи по парходному околотку. Хотя РДО адресована не им. – Аки тать в ночи... – кривляются.

– Люди сплять!

– Уже не сплять... Флорку перекинули...

– Дышите носом! – из матросского кубрика тепло, по-домашнему тянет сивухой.

– Просто РДО ночью приняли, – кротко оправдывается ученик радиста Нень. – Там день, а у нас... Я и ношу.

– Понимаю, работа такая... – с едкостью.

– Вали! – из каюты в углу тупика.

– Будьте милосердны! – стенает сервизница Лавровна. – Идите себе с богом!

В каюте сервизницы Лавровны булькает. Лавровна нашарила за иконой Николы Путешествующего живительную самогонку на кизиле и причастилась из греческой рюмашки с изящной ручкой. Укрепилась, чтоб сон пришел. Теперь вообще не заснет. Рядом с иконой открытка с молодым Магомаевым. Лавровна плавала еще на бушпритном «Пестеле». Магомаев тогда не родился.

Нень продел листик РДО в вентиляционное жалюзи двери каюты Каминского, чтобы торчал и напоминал. И ушел с богом. Прохрустел кораллами к служебному коридору. Как сквозь бич. Противно. Напоследок еще раз протарахтело ведро. Шаги радиста виновато удаляются и поглощаются мерным рокотом машин. Поднимается по служебному трапу. И на ходу читает радиogramмы.

Все равно утром передадут по трансляции, кому зайти на радиостанцию получить. Зачем заморачиваться? Станный радиопацан. Исполнительный до пароксизма.

Перед сном механик Каминский выуживает из жалюзи листик радиogramмы, который угнездил Нень, наспех пробегает текст и вставляет назад в щель решетки двери. Чтобы перед вахтой открыть дверь, обратить на листик внимание и не забыть взять.

Утром по палубе гуляла вода с хлоркой. Кораллами забился шпигат в коридоре. Возле шпигата недовольно бренчит ключами системный механик. Каминский идет посмотреть. Из солидарности.

Время поджимает, Каминский закрывает дверь, как ни в чем не бывало, и шлепает на вахту. И даже не обращает внимания, что радиogramма уже не торчит из жалюзи. Дикость ситуации в том, что он напрочь заснул почтовое событие. Причем не помнил ни содержания, ни самого факта доставки – ничего. Почему и не спохватился, не поднялся в радиорубку, чтобы продублировали. Такой крепкий сон возможен только в цветущем возрасте. И, как правило, чем меньше выкраиваешь времени для сна, тем он крепче. Сознание в таких случаях отключается авансом.

Где же РДО? Смыло волной стоков? Воды там было по щиколотку, сгоряча палубу еще из пожарного гидранта обильно окатили. Чтоб обуздать вонь.

* * *

Как на грех, случилась серьезная авария в машинном отделении. Одно к одному. Машинная команда ликвидировала ее сутками до изнеможения. В тропиках. Люди теряли сознание. Дедушка, главный механик, руководил авралом из реанимации.

Разумеется, аврал не оправдание. Нехорошо черстветь, большой грех забывать о близких. Все-таки РДО посылают с Большой Земли, чтобы их читали, реагировали. И помнили.

* * *

В трудах и ремонтах пролетел месяц. Снова скребутся в дверь.
– Это он, это он, ваш одесский почтальон! – раскатисто грасируя, представляется Фима-телеграмщик. Откуда в Вест-Индии Фима? Сюрр! – Срочная телеграмм-м-м!

Каминский открывает. На пороге подвала прямо перед лицом Каминского растоптанные клоунские ботинки. Носки раздвинуты наружу, будто поссорились. Как у Чарли Чаплина. Лохматая пачка депеш скреплена деревянной прищепкой. Щеточка чаплинских усиков, глаза с поволокой. Вас поздравляет одесский почтальон! Тросточка. С ней он шарахается по свадьбам, исполняет куплеты на мотив Чарли Чаплина. Копирует с еврейскими интонациями и ужимками Чарли. От этого еще смешнее. Интересно, кто сочинял? Но здесь же не свадьба! Только свадьбы не хватало. И почему среди ночи? Каминский проверяет адрес. Адрес правильный, Мариинская, 1. Странно. Читает:

«Мама, у меня заканчивается рейс. Днями планируют в Пойнт-а-Питре замену самолетом. Момент переломный. Получай в кассе пароходства мой аттестат и депонент, не экономь на здоровье. РДО больше не отсылай. Я, вероятно, приеду».

Каминский отправил эту РДО с судна месяц назад. Он ничего не понимает, ему вручили РДО от него самого. На старый адрес, он давно в подвале на Мариинской не живет.

– Еще один телеграмм-мм, – спохватывается Чарли. – Распишить-сь.

«Жду нетерпением. Прошла профилактическое исследование в поликлинике. Анализы в допустимом диапазоне. Недавно проводили военного врача Куца. Похоронили недалеко от папы. У нас дружная весна, хорошо. Скучаю одиноко. Целую мама».

Каминский опускает в оттопыренный карман Чарли крузейро. Читает.

– Что-то вас смущает? – догадывается Чарли. – Текст рваный? Здесь в Мариинской обители биополе, – объясняет. Или путает карты.

– Но я же здесь, на борту, а не на Мариинской! – Каминский ждет от Чарли оправданий. А чем ему поможет Чарли?

– У вас, возможно, в Южном полушарии двойник, – городит нелепицу Чарли. Но от этой догадки пробирает. Не по себе.

– Однофамилец?

– И однофамилец, и двойник. Как у других Чарли Чаплин.

– А такое бывает?

– Все может быть, все может статься, с женою может муж расстаться... Вы свой паспорт никому не передавали? Кстати, на обложке напечатаны правила пользования паспортом. Категорически запрещается документ (с ударением на втором слоге) кому-то доверять на хранение. Предъявлять только в своих руках. Как удостоверение моряка заграничного плавания. Так, где ваш паспорт? Почему не предъявляете?

– Паспорт моряка? На судне он в сейфе у старпома. А в промежутке между рейсами в конторе капитана порта. На Чичерина.

– Это возле парка Шевченко? Район, конечно, respectable, дачи Рено, вендиспансер, понимаю... Но вместе с тем и отшибный – что и говорить. Тоже додумались! Но вы-то здесь. Вы – отправитель? И адресат одновременно. Не отбояривайтесь! Уважайте труд почтальона! А то я заплачу, – всхлипывает.

* * *

Каминский чувствует, что съезжает с катушек.

– Ты не там, ты здесь, – вмешивается в потусторонний разговор Луиза, классная номерная палубы «Орион», она ночует подмышкой у Каминского.

Каминский осознает, что уже почти проснулся. Он понимает, что вокруг него что-то происходит, если спящий мозг инициировал такой кошмар.

* * *

– Радиограмма заверена врачом? – Каминский снова проваливается в кошмарный сон. Зачем ляпнул? Видимо, дают знать себя отголоски той потопной ночи, когда речь шла о враче.– В этом есть необходимость?

– В этом всегда есть необходимость, – гвоздит его Чарли. – Христианская. Впрочем, если вы адресат, а не двойник, вам телеграмм-м-м. Распишить-сь. Здесь, на манжете.

Чарли исчезает в проеме толстенной стены бывшей богадельни.

* * *

Мариинскую богадельню приспособили под жилой дом пленные немцы. Лепные кресты с простенков аккуратно скалывали наши солдаты, немцам не доверили. Вместо крестов угнездили новую лепнину – знамена, картушки, накладные звезды, снопы, кисти с гирляндами. Как ни странно, помпезность гармонирует с сундучной тяжеловесностью культовой архитектуры.

Витражные кресты тогда тоже разорили, только один этот уцелел, просто протабанили. Прораба наказали, но побоялись уволить. Знамение ведь неспроста. Было за что. Срубленные кресты прораб продал на кладбище. Сейчас Чарли четвертован кроваво-алым разлапистым крестом от витража, насыщенного ровным электрическим светом луны. Каминский встает на место Чарли, но крест на нем не обозначается.

– Вас не возьмет, – говорит Чарли. – У вас оберег.

На шее у Каминского действительно ажурный мальтийский крестик, купил в Ла-Валетте.

– Там кто-то стоит! – шепчет Луиза.

На месте Чарли проявился, как на фотоснимке, немолодой пленный немец в деревянных стукалках не по сезону. И в обмотках из рубероида. Рубероид обмотан проволокой. Дрожит то ли от холода, то ли от страха. Каминский смотрит на него пристальнее, и немец растворяется. От него остается неистребимый запах извести и скудности. Тюкают деревянные стукалки. Если в таких стукалках надумает бежать, конвой услышит. В удаленной тишине немец мучительно кашляет.

* * *

Дверь каюты прикрыта на рычажную защелку для притока спасительного утреннего сквознячка, его ждут в тропиках как избавления. Судно рыскает зигзагами с туристами по архипелагу в периметре Бермудского треугольника.

Кто-то среди ночи суется в щель двери... Беспалая култыга. Перст указывает на него. Шарит. Четырех пальцев нет, срезаны под корень, будто передумали расти. Уцелевший указательный от нагрузки крючно развился. Одиночный палец ловко сбрасывает защелку, чудище втискивается в дверной проем. Это продолжается сон или леденящий ужас наяву? На розыгрыш не похоже. Каминский понимает, что уже не спит. И увесистого ключа сорок один на пятьдесят шесть под койкой не нашарил. Луиза мешает, хрюкает подмышкой.

– Каминский, тебе радио! – шепчет однопалый.

Призрачно. Из кошмара. Оказалось, ученик радиста Нень принес радиограмму. Днем судовая радиостанция работает для пассажиров, публика пестрая, у кого-то срочные дела, бизнес не терпит проволочек.

Нень вручает радиограмму.

«Жду нетерпением. Прошла профилактическое исследование в поликлинике. Анализы в допустимом диапазоне. Скучаю одиноко. Целую маму».

И ни слова про смерть соседа Куца.

- Что-то случилось? – участливо спрашивает Ненья.
- Радиограмма куцая. Более полную я раньше уже получал.
- Где?
- Во сне.

Полный текст РДО он действительно уже читал во сне. Получается, что во сне он получил тревожное известие раньше, чем наяву! А почему именно тревожное? Ведь наоборот, текст обнадеживает. Что это? Поле Бермудского треугольника?

В радиограммах не указывают важные подробности. И неважные. Невразумительные весточки – единственная связь с оставленным миром, от которого Каминский отвык. За четырнадцать месяцев скитаний письма приносили два раза. В Пойнт-а-Питр дипкурьер привозил бумажный мешок из Сан-Хуана. Еще в Генуе фельдъегерь навестил. Вот и все. В письмах, обычно адресованных Генконсульству, фильтруют новости. Обо всем и ни о чем. Привычка писать обтекаемо крепко укоренилась обоюдно, остаются дежурные пустяки, которые все-таки тоже дороги.

Диагноз – отмашка? Такое впечатление, что предыдущая радиограмма просто не дошла. А диагноз мог не подтвердиться по халатности. Или недобросовестности. Всякое бывает. Или медсестричка стояла в очереди за майонезом. Или целовалась.

Увечный бедняга Ненья, зашуганный парень, решил, что обстоятельства исключительные, и депешу надо вручить немедленно. К форс-мажору в условиях морской удаленности относят серьезную болезнь близких. Или фактическую смерть. Или клиническую как тренировку. РДО должна быть заверено врачом. Но даже заверенная врачом срочная РДО может опоздать. Или вообще пропасть.

Месяц назад они шли в кругосветке из Суробайи к Галапагосам через Морское Забвение. Когда радиостанция на Пестеля в Одессе уже не достает, а Владивосток Океанию не накрывает. В этой вязкой радиотрясине исчез пароход из Петропавловска-Камчатского. С грузом серы и экипажем из двадцати восьми морских душ.

А вот Ненья, наверное, не ждет РДО из родной Чаплинки. Так ему спокойнее. Поводов для терзаний у него куда больше.

Он затерялся как инвалид фронта, который решил не возвращаться. Чтоб не стать обузой. Возможно, периферия его не очень убогая, развивающаяся, но слюнявые воспоминания Нень выхлостил, в юности это проще.

Увечье получил во время тревоги. По легенде учений боролись за живучесть. С мостика поступил сигнал, и автоматика включила задраивание клинкетных дверей в водонепроницаемых переборках, их всего пять. Или шесть. Автоматика дело перспективное, но капризное и опасное. Потому для страховки у дверей поставили рогатых, то бишь матросов. Нень околачивался у дверей в коридоре, что-то травил своей Мальвиной. Девочка с голубыми волосами кокетливо тыкала пальчик в монтажную дырку. Прдела пальчик, а стамбульское колечко соскользнуло и застряло между направляющими полозьями. Когда по рельсам ползла бронированная дверь, похожая на крепостную. Нень сгоряча засунул пятерню в гильотину, чтоб выудить колечко... Хорошо, не голову.

Из жалости оставили учеником радиста. Он уже плавал почти два года без отпуска и с голубоволосой Мальвиной (Мальвой) жил почти открыто. И на здоровье. Его отсутствие на твердой земле помогло змять дикое чепэ, виновные так и не были показательно четвертованы. Несчастье с Ненем не стало достоянием пароходской истории. В кадрах сделали вид, что забыли. Формально для кадровиков Нень числился на больничном при действующем пароходе. Такое тоже практикуется. Пострадавшего временно переводят на легкий труд.

– Я пойду, – обещает Нень, хотя идти ему не хочется.

– А чайку погонять? Садись.

Каминский для приличия спрашивает, как идет наращивание пальцев. Реплантацию затеял доктор Беленький, живая пароходная легенда. Доктор берет ткани у Неня из живота, с того места, которое называют прессом, и наращивает подобие пальцев. На них стараются не смотреть.

– За тружеников эфира! – Каминский чокается.

– Эфир нынче исьяк, – сокрушается по-взрослому Нень. Наверное, перенял бывалость у старшего радиооператора Арматурыча.

– Почему исьяк?

– Приходится через поля непроходимости прорываться, – жалуется Нень.

– Проходимости или избирательности?

Нень шпильку не прочувствовал.

– Магнитные бури... то-се... и со спутников помехами накрывают. Вон, камчатский пароход в Тихом океане булькнул... Да, чуть не забыл... Луиза просила подойти, когда сможешь.

Луиза обитает в шестиместной каюте вместе с Мальвиной.

– Луиза здесь, – говорит Каминский.

Луиза нервно теребит занавеску алькова у койки.

От Луизы Каминский знает, что Мальвина на пятом месяце и полетит из Дакара домой.

– Скоро будем на пароходе ясли открывать, – съязвил второй механик Бурмайстер унд Вайн.

Правда, родственники в силу дремучести могут затеять свадьбу в деревне и востребовать Неня. Для него это будет катастрофой.

Странный был сон (вещий?) и теперь странная радиограмма. Все-таки определенно он чувствует к себе какой-то потусторонний интерес. До этого снилось, что отец откуда-то звонит или хочет позвонить.

* * *

Через несколько дней будят среди ночи. Нень снова досаждают радиограммой. Лист РДО прошит степлером. Не шпионили... Возможно, оказывают доверие.

Или читали, а потом клея не хватило – и шлепнули скобку.

Мама повторяет свой текст. Как будто старается убедить в зыбкой надежде, хотя сама сомневается. Или не все говорит. И почему о смерти Куца он узнал из сна от Фимы-телеграмщика раньше?!

– РДО продублировали из Владивостока, – объясняет Нень. – Мы работали в Бермудском треугольнике. Иногда часть текста там пропадает. Непроходимость...

– Ну и что? Там же не мертвая зона.

– Шифровки тоже продублировали.

Там зона не мертвая, но сомнительная. Шифровки тоже пропадали?

Но ведь радиограмма продолжена: «...Недавно проводили Куща. Похоронили недалеко от папы. У нас дружная весна, хорошо».

– О смерти какого-то врача шла речь, когда во время потопа Нень читал вслух радиограммы, – напоминает Луиза, она снова в его каюте. – Ты разве не помнишь? Ты заспал.

Каминский не обращает на подсказку внимания. Хотя в ее замечании ключ к разгадке мистической истории. Это отнюдь не вздор.

– И про весну Нень читал вслух? – заводится Каминский. Публичное оглашение очень сокровенных вещей.

– Она ведь не старая женщина, – рассуждает Луиза. – К тому же довольно привлекательная. Ты на нее похож. Могла увлечься.

Дамские предположения Луи взвинчивают Каминского. Луи осеклась, прекратила муссировать тему. Она чуткая и странная. Иногда Каминскому кажется, что Луи завела его, чтобы не выглядеть среди бабского курятника белой вороной.

Он никогда не думал, что мама может выйти замуж. Ей всего пятьдесят восемь. Вот тогда ему действительно лучше задержаться в Южном полушарии, чтобы не мешать.

Чокнулись. На фирменных судовых рюмках трефа. Такая трефа была и на трубе при британцах. Снова кресты. Оберег?

– Если ты уедешь на замену, я тебе РДО перешлю, – обещает Нень.

Каминского бросает в сон, как в обморок, но он рад, что обошлось. И Неню рад. Совсем не кошмарному, материальному бедолаге. Нень не спешит, пьянеет. Нень все-таки неплохой, исполнительный парень. Его попутчик в нынешней жизни. В этом благоприятном возрасте. И другого хода событий не предвидится.

Как же объяснить невероятное нарушение хронологии с радиограммами? Ведь РДО, эти застывшие на бумаге радиоволны, в финале вполне материальны, за них расписались люди: «передал», «принял»...

Через неделю Каминский уже заполнял обходной лист. Кадры высылали самолетом коллегу на замену, и Каминский подчинился рокировке. С облегчением. Пришел в каюту за сорок минут до вахты. Лежал, думал. На пароходе человек все время в обороте. Нет времени перевести дух, оглянуться на прожитое. И пропущенное. Он улетает. Решено. Нашупал в рундуке папку. Не может найти обходняк. На глаза попадает РДО от мамы месячной давности. Та самая пропажа из жалюзи. Он проверяет дату. Это четвертая радиограмма (и первая по хронологии) с аналогичным содержанием, если принимать во внимание еще ту, которую Фима принес во сне).

«Жду нетерпением. Прошла профилактическое исследование в поликлинике. Анализы в допустимом диапазоне. Недавно проводили Куща. Похоронили недалеко от папы. У нас дружная весна, хорошо. Скучаю одиноко. Целую, мама».

Содержание РДО из сна ведь тоже было в точности такое же. Как конкретная РДО угодила в сновидение?

В ночь кораллового потопа листик первой РДО Каминский воткнул в решетку жалюзи двери каюты. Ее выдуло потоком вентиляции в воду. Тогда подтопило общественное пространство, служебный коридор и каюты. Когда пароход поменял курс, накренился, волной стоков листик прибило к каюте Лавровны. Она и подобрала РДО. Мокрую бумажку Лавровна подсушила утюгом и положила за икону. Обязательный человек. Но живительная самогонка с кизилом кончилась, и за икону Лавровна долго не проникала. Месяц с лишним. Когда Лавровна выгнала новое зелье, она полезла к Николе-угоднику и нашарила забытый листик. Листик передала Луизе. Луиза положила РДО в папку. Где его нашел Каминский перед отъездом. Вот и все.

Радиограмма просроченная, но реальная. Месяц назад он держал ее в руках. Ведь он расписался в получении, подпись-то его – факт. Не помнит, но в мозгу текст запечатлелся, и скрытая память в подкорке продублировала матрицу в кошмарном сне услужливо скопированное сетчаткой. Помимо этого запечатлелась дурацкая перепалка Неня в коридоре во время кораллового потопа, когда он диктовал содержание радиограммы, в которой сообщалось,

что военврач помер. Подкорка – это архив наших впечатлений. Во как! Вот до какой чехарды на клеточном уровне дожили! А как вы хотели? Без угрызений совести за черствость? Такого не предвидится. А потаенные угрызения совести спровоцировали кошмарный сон с участием Фимы-телеграмщика. И будут продолжать будоражить. Уже произошли изменения в психике и поведении.

Не зря ведь в британской судебной системе скитальцев, которые болтались больше года в море, не приглашают в суд даже свидетелями. Их показания недостоверны, они вызывают сомнения. Он уже пятнадцатый месяц в морях... А Герман Мелвилл три года бил китов. И не хныкал. И не знали бедолаги, заработают на хлеб или вернутся нищими. Потом Мелвилл написал «Моби Дика». Королевский суд на творческие инициативы не покушается, Мелвилла не остановили и не опровергли.

* * *

Пятую радиограмму-аналог доставил настоящий телеграмщик. Чарли-Фима. Каминский видел его всего три дня назад в другом полушарии. Правда, во сне. Теперь наяву.

«Жду нетерпением. Прошла профилактическое исследование в поликлинике. Анализы в допустимом диапазоне. Недавно проводили Куща. Похоронили недалеко от папы. У нас дружная весна, хорошо. Скучаю одиноко. Целую, мама».

Из-за плеча в текст заглядывает мама. Живая, здоровая, счастливая. Уже не скучает одиноко.

– Вы мне, Фима, приснились, – признается Каминский и протягивает чаевые.

– Спасибо. Бывает.

– А пять морских капель?

– Пощадите! Я не пью. Я чаще снюсь в кошмарах...

Так оно и было. Пахнет тальком и резиной. Кот убежал, не выдержал. Каминский надувает лодку, которую выдали покойному соседу военврачу Кущу на Новой Земле. Вдова Куща подарила плавсредство соседям Каминским. Зачем Каминскому лодка? Он не рыболов и не турист. От воды вообще устал. Но ничего не поделаешь.

Фима в курсе местных событий, он приносит Кущам телеграммы соболезнования. О смерти Куща Каминский узнал во сне от Фимы в Бермудском треугольнике с сомнительной проходимостью. Невероятно! Загоризонтная передача мыслей.

– Вот соседи Кущи мне лодку подарили на память, – почти пожаловался Каминский Фиме.

– У нас принято дарить ненужную вещь, чтобы сделать людям (с ударением на последнем слоге) в горе приятно, – цинично сочувствует Фима. – От такого подарка не отказываются. Но ответно дорят похоронные деньги родичам усопшего.

Фима усмешается, он понимает жизнь. Ему довелось адресатам доставлять благодарственные переводы. За ненужные подарки. От перевода не откажешься! Затеяливый чендж позволяет всем проявить обоюдную доброту. Церемониально.

Но Каминский не признается в ответной доброте. Его матушка действительно всучила соседям Кущам конверт с деньгами.

Каминский все-таки улетел из Пойнт-а-Питра. Прислали на замену его коллегу. И Каминский с облегчением подчинился рокировке. Последняя нынешняя РДО настигла его уже дома. Ее отбили из Владивостока. Может, во Владике радист вышел с бодуна. А Нень – человек слова. Подсуетился, как и обещал, и содержание перестучал однопалой ручкой, натренировался.

Как там Нень? Как они там?

Канада

